

С.С. Войтиков. Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг.

Механизмы функционирования партийного и государственного аппарата в Советской России и СССР активно изучаются исследователями. Вышло уже немало фундаментальных работ и документальных публикаций, посвящённых деятельности Политбюро ЦК РСДРП—РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б)—КПСС, различным конфликтам и дискуссиям в большевистском руководстве, отдельным его представителям и т.д. Однако сложность данной проблематики, а также объём и специфика источников, анализ которых необходим для её осмысления, столь велики, что, вероятно, ещё не одно поколение учёных будет выявлять новые материалы и предлагать их неожиданные интерпретации, пересматривая устоявшиеся походы и взгляды на, казалось бы, не раз описанные процессы, события и свидетельства и раскрывая ранее неизвестные аспекты и обстоятельства прошлого.

Неудивительно, что связанные с данной тематикой монографии профессиональных историков вызывают повышенный интерес, а подчас и оживлённые споры. К их числу относятся и труды С.С. Войтикова, освещающие ход политической борьбы и организацию государственного и военного управления преимущественно в первые десятилетия советской власти¹. Все они основаны на широком круге архивных и опубликованных документов, а некоторые из них выдержали уже не одно издание. Его новая книга² далеко не бесспорна, но безусловно заслуживает внимания.

В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук М.В. Зеленов (Российский государственный архив социально-политической истории) и А.А. Куренышев (Российский государственный социальный университет), кандидаты исторических наук О.И. Капчинский (Академия труда и социальных отношений), В.Н. Круглов (Институт российской истории РАН) и М.Ю. Моруков (Центральный государственный архив города Москвы).

Материал подготовлен Е.В. Добычиной и В.Н. Кругловым

¹ См.: *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009; *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. 1917—1921. М., 2010; *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. М., 2010; *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016; *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905—1937. М., 2016; *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия. 1917—1921 гг. М., 2017; *Войтиков С.С.* История противостояния: ЦК или Совнарком? М., 2018; *Войтиков С.С.* Троцкий, Фрунзе, Жуков. Из истории красного бонапартизма. М., 2019; *Войтиков С.С.* Брестский мир и гибель Черноморского флота. М., 2020.

² *Войтиков С.С.* Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 735 с.

Андрей Куреньшев: О Ленине, партии и её «несокрушимом единстве»

Andrey Kurenishev (Russian State Social University, Moscow): About Lenin, the Party and its «indestructible unity»

DOI: 10.31857/S086956870012198-8

Люди старшего поколения, да и многие из тех, кто моложе, хорошо знают, сколько в СССР мужчин и женщин, объединённых в многочисленные и очень престижные организации, занимались изучением истории Коммунистической партии Советского Союза. Этот профильный предмет входил в число обязательных экзаменов при сдаче кандидатских минимумов при поступлении в аспирантуру (равно как и «Научный коммунизм»), изучался на всех исторических факультетах вузов страны и многих иных направлениях «гуманитарного профиля». Все прекрасно понимали явные и скрытые границы объекта и предмета исследования, да и сами темы, бравшиеся для рассмотрения учёными, посвятившими свои жизни и научное творчество этой дисциплине, были строго выверены, очерчены, предопределены. Руководящими органами партийной власти — Политбюро, Центральным и даже местными комитетами — заниматься запрещалось, не говоря уже о том, что эти сакральные сюжеты находились в центре внимания почти исключительно членов партии, попасть же в партийный архив вплоть до конца 1980-х гг. простому смертному было практически нереально.

Не стану вдаваться в подробности, каких глубин или высот достигли те великие мученики науки, коим довелось соприкоснуться со столь неоднозначным объектом и предметом исследования, как история «руководящей и направляющей силы советского общества». Как известно, КПСС после 1993 г. пытались объявить преступной организацией. Из этой затеи вышло немного, поскольку одержавшие победу во «внутрипартийной борьбе» сторонники Б.Н. Ельцина не решились на люстрацию, не лишили членов якобы свергнутой Коммунистической партии государственных должностей и не запретили им заниматься политикой. Почему так произошло в Российской Федерации и большинстве бывших республик СССР (в отличие от бывших союзников по «социалистическому содружеству») — сюжет особый, однако он важен, в том числе и для чрезмерной по сложности и специфике рецензируемой книги С.С. Войтикова. Перед нами масштабный труд молодого историка, не побоявшегося коснуться святая святых любого государства — системы организации власти, управления в центре и на местах.

Вопрос о том, как же «кучке маргиналов», назвавших себя «партией Русского рабочего класса» (РСДРП), удалось «перевернуть мир», является одним из центральных для истории не только XX в., но и человечества в целом. Войтиков рассмотрел этот вопрос с субъективной стороны, что также можно считать оригинальным и необычным. Его предшественники изучали проблему шаблонно, в русле либо ленинской концепции развития революционного движения в России (дворянский — декабристы, А.И. Герцен; разночинский — народники; пролетарский — РСДРП, большевики, В.И. Ленин), либо общей схемы марксистской парадигмы: развитие капитализма и его могильщика, пролетариата, руководимого своим авангардом — революционной партией. Войтиков не столько со свойственной молодости отвагой, сколько с уже выработанной методологией изучения внутрипартийной борьбы игнорирует данную схему.

Сначала это кажется чем-то немыслимым: как же рассматривать внутрипартийные комбинации, конфликты, дрязги без классово-социального наполнения, теоретических построений, на которые так горазды марксисты разных толков и группировок? Однако вскоре становится понятной последовательность автора, строгость его методологии и способность держать взятую концептуальную линию до конца, не скатываясь на обочину мелкотемья и не включая в работу описание и анализ тех грандиознейших катаклизмов, которые пережили наша страна и мир в целом в исследуемый период. Войтиков рассматривает почти исключительно «аппаратные игры» и политические комбинации, другими словами — непримиримое соперничество вождей и важнейших органов управления и деятельности партии.

Поражает историографический кругозор исследователя: не только знание источников, но и виртуозное умение с ними работать, интерпретировать их под авторским углом зрения. В отличие от многих своих коллег Войтиков не боится оспаривать мнения западных, прежде всего американских и британских, историков, даже таких гуру исторической науки, как Э. Карр. Однако хотелось бы пожелать автору обратить внимание на германскую и итальянскую историографию партийного строительства, международного коммунистического движения, деятельности его организаторов и идеологов — А. Грамши, А. Бордиги, П. Тольятти и др. При этом важна не столько их причастность к строительству партий «нового типа», сколько критика приёмов и методов деятельности российских коммунистов. Хотя предлагать прямое сравнение с партиями Запада и Востока в контексте концепции автора, может, и не совсем уместно, но отдельные «вкрапления» по теме были бы интересны и полезны.

Переходя к некоторым критическим замечаниям общего и конкретного характера, отмечу, что автору следовало бы акцентировать внимание на принципиальном для марксизма вопросе — соотношении объективных и субъективных факторов революционной борьбы, а также, соответственно, на партийном строительстве и деятельности структур организации и т.п. Правда, коснувшись этих сюжетов, Войтиков мог бы сойти со своей магистральной линии — рассмотрения чисто организационных сюжетов, проблем, коллизий внутрипартийной борьбы. Однако он всё же затронул важнейшие для революции 1905—1907 гг. вопросы (с. 107). Их изучение в советской историографии проходило в серьёзно деформированном виде из-за догматического следования «ленинской» концепции, выраженной в формуле: «Пролетариат борется, а буржуазия крадёт к власти». Иными словами, знаменитой новации Ленина о том, что гегемоном в буржуазно-демократических революциях новейшего времени («периода империализма») является пролетариат, а не буржуазия. Исходя из этой политико-идеологической концепции (созданной Лениным во многом для того, чтобы усилить революционность своей партии, или уже созданной фракции, что отмечает и Войтиков), советские историки игнорировали роль в революции «контрреволюционных» буржуазно-либеральных организаций (Союз Союзов, съезды земцев и т.п.). Долго замалчивался и тот очевидный факт, что Советы (в частности петербургский) тоже стали продуктом усилий интеллигентско-либеральных организаций, а ещё ранее — результатом реакции власти на события 9 января 1905 г., создавшей комиссию по рабочему вопросу (верхи не могут управлять по-старому и вынужденно подливают масла в огонь, невольно способствуя организации рабочих).

То же было с Всероссийским крестьянским союзом (ВКС), созданным не крестьянами и даже не радикальными неонародниками (хотя этот вопрос окон-

чательно не исследован), а Московским обществом сельского хозяйства. Это произошло в ответ на верноподданническую акцию его же членов весной 1905 г. Наиболее известная революционная акция ВКС — создание «крестьянских республик» (низового революционного самоуправления, что не могло не радовать Ленина) — была осуществлена под руководством либералов. Так, «Марковской республикой» руководила пятерка ВКС, в которую входили губернский агроном А.А. Зубрилин, адвокат А.Ф. Стааль и член МОСХ А. Левицкий. «Сумскую республику» организовали кадеты во главе с А. Щербаком. Тем не менее Ленин послал приветственную телеграмму ноябрьскому съезду ВКС, на котором преобладали умеренные социалисты и левые кадеты, а большевик М.В. Васильев-Южин был изгнан с заседания. Ленина возмущали эта пассивная, по его мнению, тактика борьбы за власть (связанная с теорией и практикой широкого массового давления) и её захват снизу. Он был безоговорочным сторонником революционного рабоче-крестьянского правительства — возможно, в форме Совета рабочих депутатов и ВКС.

Войтиков справедливо полагает, что избрание Н.А. Рожкова в ЦК явилось следствием «ненависти Ленина к либерализму» (с. 107). Замечу, что автор, хотя и небезгрешен в анализе очень сложной политической борьбы 1905—1907 гг. (ещё и сознательно запутанной советской историографией и не распутанной по сей день), но верно ухватил смысл некоторых её аспектов, понял причины ленинской непримиримости к, казалось бы, не самым важным из них. Тезис о единстве антисамодержавной («освободительной») борьбы в историографии ещё окончательно не утвердился, что, несомненно, мешало Войтикову. Разбираться в этих недоработках отечественных историков ему необязательно, но он высказался и о них, не отклоняясь от концептуального курса своего исследования.

Очень важен анализ взаимоотношений членов РСДРП(б) дореволюционного периода её деятельности. Именно тогда, согласно концепту Войтиева, оказались выработаны наиболее эффективные методы борьбы за гегемонию в партии. Выявлению специфики партии «нового типа» (не просто борющейся за власть, например, парламентским путём, но создающей условия для её взятия в ходе революции; вопрос о мирных и насильственных методах борьбы затем долго муссировался на конгрессах Коминтерна) способствуют личные характеристики её лидеров. Вначале это безусловный демиург партии Ленин, его соратники и эпигоны — Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев (некоторые претендовали на то, чтобы стать вровень с вождём, а то и выше, к примеру Л.Д. Троцкий), позднее «фигуры помельче» — Н.С. Хрущёв и Л.И. Брежнев.

Насколько же эффективны и абсолютны методы внутрипартийной борьбы? Они не новы и не оригинальны, применялись руководством всех политических партий и организаций: создание фракций, группировок (как правило, тайных, неизвестных основной массе членов), внутренняя конспирация, включая шифрование общения членов группировок. Войтиков не открыл в этой механике ничего нового, но его исследование отличается обилием привлечённых источников, широким охватом изучаемых событий и скрупулёзным анализом гигантского массива документов из разных архивов. Вывод же автора оказывается на поверку очень простым и давно известным: Сталин — верный ученик и последователь Ленина, усовершенствовавший приёмы и методы достижения абсолютной власти в партии.

Подводя итоги исследования, Войтиков сделал несколько выводов общеполитического, идеологического и мировоззренческого характера. Так,

упомягая оценки Первой русской революции, данные классиком марксизма К. Каутским, который писал о её сложности и необычности, автор заключил: «Как и мировая социал-демократия, российская раскололась на два лагеря — радикальный, догматически мыслящий, и реалистический, максимально учитывавший конкретные экономические и, как следствие, политические условия» (с. 624). К сожалению, исследователь не уточняет, кого в какую категорию он заносит: Каутского в реалисты, а Ленина и большевиков в радикалы-догматики, или наоборот? Видимо, верный своей привычке не выказывать избыточных политических симпатий и пристрастий, он побоялся слишком большой определённости оценок и суждений. Но тут они просто необходимы. Тем более что описанный им «казус Рожкова» (с. 107) иллюстрирует упомянутую А.В. Луначарским особенность Ленина — относиться к борьбе с внутренним (внутри партии) врагом как к первоочередной задаче (с. 624).

Сам Войтиков отметил: «Необходимость существования единой РСДРП во имя защиты интересов очень слабого в нашей стране рабочего класса остро ощущалась подавляющим большинством партийцев» (с. 624—625). Однако жёсткий (и жестокий) характер внутрипартийных дискуссий он объяснил субъективными причинами: интеллигентским в подавляющем большинстве составом руководящего ядра РСДРП (с. 625). Здесь чувствуется фальшь, противоречие основной концептуальной линии. Точнее, упущены из вида некоторые принципиальные основы строительства партии «нового типа», о которых писал Ленин в посвящённых этой проблеме работах («Что делать?» и др.). В них (как и в трудах Троцкого, Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова и др.) отражена особенность России — количественная и качественная слабость рабочего класса, которую необходимо компенсировать исключительной боевитостью, единством, сплочённостью, точностью принимаемых решений и творческой инициативой авангарда рабочего класса, его партии и отдельных её членов.

Сама проблема соотношения количества и качества партийного материала неоднократно вставала перед руководством партии. Она сложна и многомерна. Не касаясь её, лишь отмечу, что ленинский подход к членству в партии, на мой взгляд, во многих историко-партийных работах интерпретировался искажённо. Это произошло по многим причинам, но главная из них — перенос принципов партийного строительства советского этапа на дореволюционное время, период подпольно-конспиративного существования партии рабочего класса. К сожалению, в монографии Войтикова можно обнаружить обратное искажение. Это, пожалуй, главный методологический изъян его труда, но, как ни парадоксально, он часто и приводит исследователя к интересным конкретно-историческим суждениям и выводам общего характера. Например, о том, что для осуществления политики «великого перелома» сталинской группе пришлось призвать бывших оппозиционеров. Самый яркий пример такой политической реанимации — деятельность Г.Л. Пятакова. Частичная реабилитация «левых» происходила одновременно с «добиванием охвостья правых» в лице группы С.И. Сырцова — В.В. Ломинадзе, разгромом Трудовой крестьянской партии (Н.Д. Кондратьев) и других умеренных, находившихся в государственных структурах.

До революции каждый член партии должен был действовать, основываясь на собственных оценках ситуации, максимально активно и быстро, не дожидаясь директив и указаний соответствующего комитета, резолюций руководства. Скорость и оперативность — вот основные козыри большевиков в условиях полицейской слежки и репрессий. Ошибок, формального незнания и невыполне-

ния решений партсъездов и директив случалось предостаточно. Пример тому — отношение большевиков к тому же ВКС и Временному правительству. После революции многие старые революционеры продолжали существовать в прежней парадигме, считая себя вправе не выполнять решения парторганов, иметь особое мнение. Это было не самым опасным явлением в годы Гражданской войны и неизбежной «партизанщины» в Красной армии. Но переход к мирному строительству, руководство экономикой на плановых началах до введения нэпа и после его свёртывания (т.е. отказа даже от квазирыночных отношений) потребовали изменения системы организации партийно-государственного руководства.

Войтиков сознательно отказался от рассмотрения всех коллизий до- и послереволюционного развития системы управления, ограничившись изучением внутривнутрипартийных взаимодействий, взаимоотношений руководящих органов: ЦК и его Политбюро, Оргбюро и т.д. В целом эту линию удалось выдержать, что, на мой взгляд, было очень нелегко. Работа заставляет ещё раз задуматься над проблемами советского общества и продолжать их исследование, в том числе в историко-партийном направлении. Во многих аспектах этого предмета автор продвинулся далеко, став, пожалуй, единственным, кому доступно плодотворное, на уровне современной науки изучение чрезвычайно сложных, запутанных и искажённых в историографии сюжетов.

Сложность задач, которые поставил перед собой С.С. Войтиков (большинство из них обязаны были решать патентованные историки партии), вызывает неподдельное восхищение, а имеющиеся в его работе недостатки следует отнести на счёт предшественников, обходивших стороной щекотливые и сложные проблемы деятельности КПСС, что стало, на мой взгляд, одной из причин крушения Советского Союза.

Михаил Зеленов: Война и мир Сергея Войтикова

*Mikhail Zelenov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow):
War and World View of Sergey Voytikov*

DOI: 10.31857/S086956870012199-9

История Коммунистической партии как учебная дисциплина исчезла из программ высшего образования, как научная дисциплина — из списка ВАК. Это дало шанс превратить её в предмет анализа. Спор о содержании этого объекта науки начался в 1929 г. и до сих пор существуют разные точки зрения по этому вопросу.

Помимо разных предметов исследования в истории партии существует Историк, который и выделяет из исторического фона то, что он относит к предметам анализа. Историк воспроизводит только ту картину, которую видит, а видит только то, что есть в его описании и входит в его концепцию. В результате читатель получает определённый образ прошлого, который, конечно, больше говорит о мышлении Историка, чем о предмете его изучения. Этим объясняется тот факт, что в огромнейшей историографии истории партии по одним и тем же сюжетам и периодам можно встретить разнообразные по методологии исследования книги и статьи. Вот что говорили по этому поводу авторитетные для меня авторы: «В философии сознания “история” есть “мышление об истории”, то есть “история как сознание”, а не “история как объект сознания”. Иначе говоря, “история” здесь — “осознаваемое»» (А.М. Пятигорский);